

Глава 1. ДИТЯ ЗОЛОТОГО ВЕКА

На самом севере Англии, от границы с Шотландией и до современного Йорка, лежат земли исторической территории Нортумбрии, одного из семи старинных англосакских королевств. Сегодня на землях древней Нортумбрии располагаются английские графства Нортумберленд, Тайн и Уир, Дарем, Северный Йоркшир и город Йорк. Конечно, в VII–X веках, времени расцвета Нортумбрии, границы этого королевства постоянно менялись, и в периоды наивысшего могущества включали в себя и кельтские территории вокруг современного Эдинбурга на севере, и пограничный с Шотландией Карлайл на западе, и даже нынешний Гуль с Северным Линкольнширом на юге. Но это было давно, а сегодня Нортумберленд, носитель исторического названия, является самым северным графством Англии с административным центром в небольшом городке Морпет.

Тем, кто путешествовал по северным районам Великобритании, возможно, больше запомнились изысканные пейзажи горной Камбрии с ее Озерным краем, этим поистине «затерянным миром», почти нетронутым современной цивилизацией. Или величественная природа Горной Шотландии, поражающая многообразием диких ландшафтов, где местами возникает ощущение, будто сюда еще не ступала нога человека. Современный Нортумберленд, наверное, не может похвастаться большим разнообразием впечатляющих пейзажей. Практически вся его территория представляет собой малонаселенную равнину, где поля чередуются с лесами. Изредка взоры путешественников привлекают покрытые зеленью терриконы давно заброшенных шахт, олицетворявших когда-то местную промышленность. По этой равнине к Северному морю стекают небольшие реки, которым не суждено сделаться широкими и полноводными из-за краткости отведенного им маршрута. Побережье Нортумберленда, как и много веков назад, охраняют старые крепости. Когда-то они считались грозным препятствием на пути непрошенных гостей —

пиратов и викингов-завоевателей. Со временем пиратов сменили контрабандисты, облюбовавшие многочисленные маленькие бухточки на побережье. Сегодня никого из них уже не осталось, но крепости продолжают нести свое, теперь уже историческое дежурство. Правда, по большей части в наши дни это — каменные развалины, немые свидетели многовековой истории региона. Они стоят на возвышенностях и меловых утесах, с которых далеко просматриваются бескрайние морские просторы. В солнечный день с этих возвышенностей можно увидеть и скалистые острова Фарн — место крупнейшего у берегов Англии гнездовья морских птиц.

Если природа и одарила чем-то северную Нортумбрию, так это многообразием видов пернатых, гнездящихся как на прибрежных скалах и утесах, так и в вересковых болотах и пустошах вдали от моря. И конечно, рыбой, причем не только морской. Когда-то местные речушки изобиловали форелью. Рыбачить сюда специально приезжали любители этого занятия из южной Англии. Сегодня настоящие энтузиасты предпочитают двигаться дальше на север, в долину знаменитой «матери виски» — шотландской реки Спей. А полтора века назад на местных речках любил проводить время будущий глава английского Форин Офис Эдуард Грей, человек, чье имя осталось неразрывно связанным с природой северной Нортумбрии. «Речки и ручьи Нортумберленда проходят три этапа на своем пути, — писал он в 1892 году в одном из частных писем. — Вначале они рождаются на торфяниках и бегут меж гранитных берегов. Затем они распадаются на участки с заводями и стремниной и текут по плодородной почве, иногда прячась среди деревьев. Наконец, почва вокруг становится песчаной, а их дно илистым, кругом простираются одни поля, и поток воды замедляет свой бег. Ему больше некуда спешить — еще немного, и он встретится с морем. Это и есть третий этап... Здесь, будучи мальчишкой, я любил пробираться, прячась, чтобы меня не заметила форель, за большими лопухами, и всегда вытаскивал угрей. Я ловил их до тех пор, пока они продолжали клевать»¹.

В этих краях, недалеко от самой длинной автомагистрали Великобритании, соединяющей Лондон и Эдинбург, расположено имение Фоллодон, родовое гнездо Греев, место, которое Эдуард Грей любил больше всего на свете и предпочитал проводить в нем все свободное время. Когда-то, во времена Английской революции и кромвельского протектората, известный в Бервике пуританский

негоциант по имени Солкелд построил на территории современного Фоллодона небольшой загородный домик. Он же заложил рядом с ним фруктовый сад, высадив несколько сливовых, абрикосовых и грушевых деревьев. Чтобы защитить саженцы и цветы от сильных и холодных ветров, дувших со стороны Северного моря, их оградил по всему периметру высокой кирпичной стеной, что было вполне в духе садовой архитектуры того времени. Затем, в самом начале XVIII века, территория, окружавшая имение, была приобретена неким Томасом Вудом, который на месте первоначального загородного домика построил большое трехэтажное здание из традиционного для Англии темно-бурого кирпича. Единственная дочь и наследница Вуда, Ханна, в 1720 году вышла замуж за Генри Грея, и после ее кончины имение Фоллодон перешло во владение семьи Греев. К тому времени Грей уже владел поместьем Хоуик, расположенным в нескольких милях от Фоллодона. В дальнейшем в Хоуике был построен большой дворец, получивший название Хоуик Холл. Со временем два владения семейства Греев в Нортумбрии разделились, и Хоуик остался в собственности «старшей», графской ветви рода, а Фоллодон перешел к «младшей», баронетской линии.

Именно в Фоллодоне прошло детство Эдуарда Грея. Хотя на свет он появился вдали от этих мест. Эдуард Грей родился 25 апреля 1862 года в Лондоне в семье Джорджа Генри Грея и Хэрриет Джейн Пирсон. Он стал их первенцем. После Эдуарда на свет появились шесть его младших братьев и сестер — Элис (1864), Джордж (1866), Джейн (1868), Александр (1870), Констанс (1871) и Чарльз (1873). Грей шутил потом, что всегда немного завидовал братьям и сестрам, «которым повезло не только вырасти, но и родиться» в столь любимом им Фоллодоне².

Отец будущего министра иностранных дел с детства мечтал стать военным, но это желание не разделяли его родители. Как вспоминал впоследствии Эдуард Грей, его дед считал службу в армии в мирное время «пустым времяпровождением» и не давал отцу своего согласия. Все изменилось после вступления Британии в Крымскую войну. Дед решил, что «настало время послужить своей стране и прежние возражения по поводу армейской службы должны быть отодвинуты в сторону»³. Такое отношение было весьма характерно для либеральной английской аристократии викторианской эпохи, и в этом смысле старинный девиз рода Греев — «*De bon vouloir servir le Roy*» (Служить Королю по доброй воле) не был для них пустым

звучом. Джордж Грей был единственным ребенком своих родителей, но они без колебаний благословили его на ратные подвиги в далеком Крыму. Он вступил в стрелковую бригаду Королевских гренадер, патроном которых считался супруг королевы Виктории принц Альберт, и совсем молодым человеком отправился воевать с Россией. Судя по всему, сражались королевские стрелки храбро, поскольку два их батальона получили семь крестов Виктории⁴, больше любого другого британского подразделения, участвовавшего в той кампании.

Сразу после Крымской войны Джордж Грей отправился со своей частью в Индию подавлять вспыхнувшее там восстание сипаев. На этом его активная воинская служба закончилась, и в чине капитана он вернулся на родину. Вскоре Джордж Грей перевелся поближе к дому, в полк Нортумберлендских фузилеров, где за короткое время сумел дослужиться до подполковника. Здесь на него обратила внимание королевская семья. Скорее всего, сказались патронаж над стрелками принца Альберта и рекомендации двоюродного дяди — генерала Чарльза Грея, бывшего личным секретарем принца-консорта. По крайней мере, именно своего кузена благодарил отец Джорджа за оказанную сыну честь состоять при дворе. В ноябре 1858 года в Букингемском дворце состоялись монаршие «смотрины», и королева Виктория вынесла свой вердикт: «Замечательный молодой человек с прекрасными манерами. Думаю, он станет хорошим товарищем для Берти»⁵. Уже через неделю последовал указ о назначении Джорджа Грея конюшим к наследнику, принцу Уэльскому (будущему королю Эдуарду VII, которого в семье звали Берти, поскольку его первое имя было Альберт). Почти сразу же после этого принц Уэльский отбыл в длительное турне по странам Европы, и Джордж Грей, естественно, отправился вместе с ним. В этой поездке молодые люди сдружились, что было вполне естественно — оба отличались веселым нравом и предпочитали развлечения любым серьезным занятиям. Наверное, Джордж Грей, будучи старше Эдуарда на шесть лет, все-таки оказывал сдерживающее влияние на 17-летнего наследника престола, который уже в те годы имел репутацию ловеласа, сибарита и бонвивана. По крайней мере, генерал Брюс, отвечавший за вояж Эдуарда, писал принцу Альберту о счастье иметь при нем такого человека, как Джордж Грей, «который объединяет в себе столько положительных качеств для своего поста»⁶.

Какое-то время Джорджу Грею приходилось совмещать воинскую службу с новыми обязанностями при дворе и жить преимущественно в столице. В 1860 году он женился на Хэрриет Джейн Пирсон, дочери отставного подполковника, и молодая семья стала снимать в Лондоне небольшой дом. Именно в этот период у них и родился сын Эдуард. Совмещение воинских обязанностей с придворными не являлось для Джорджа Грея столь уж хлопотным. Однако его отец настаивал, чтобы единственный сын проводил больше времени в родовом имении, в кругу семьи, и вскоре Джордж Грей расстался с армией, оставшись лишь конюшим принца Уэльского. Служба при дворе наследника не предполагала постоянного пребывания с принцем, и Джордж Грей, к радости своего отца, возвратился с семьей в Фоллодон, периодически наезжая оттуда в Сэндрингемский дворец в Норфолке, куда после женитьбы в 1862 году перебрался будущий Эдуард VII.

Стиль жизни, при котором многие английские аристократы большую часть времени проводили в своих имениях в провинции, оставаясь при этом на государственной службе, был не просто широко распространен, но и весьма приветствовался в георгианскую и раннюю викторианскую эпохи. Его придерживались даже действующие британские политики. Считалось, что вдали от столичной или придворной суеты министры и члены парламента могли лучше сосредоточиться на тех важных государственных решениях, которые они принимали во время периодических наездов в столицу. К концу XIX века такое времяпровождение ушло для британских политиков в прошлое. Государственные деятели поздневикторианского и эдвардианского периодов могли лишь мечтать о постоянной жизни в провинции, выбираясь в родовые поместья только на уикенды. Как-то, уже после Первой мировой войны, Эдуард Грей ностальгически заметил, что его знаменитый родственник Чарльз Грей сумел достичь больших успехов в политике только потому, что надолго уединялся в Нортумберленде. И улыбнувшись, добавил, что Чарльз так хорошо трудился в Лондоне, потому что редко в нем появлялся⁷.

Впрочем, к отцу Эдуарда Грея все это имело мало отношения. Он не утруждал себя какими-нибудь важными государственными да и вообще интеллектуальными занятиями. Все было гораздо проще. Подполковник Грей любил участвовать в различных похождениях и развлечениях принца Уэльского, а когда ему требо-

валась передышка, возвращался на некоторое время в Фоллодон. Джордж Грей считал наследника престола, успевшего поучиться и в Оксфорде, и в Кембридже, «слишком образованным» и пытался «приземлить» его, советуя, например, чаще бывать на охоте⁸. Жизнь богатых бездельников импонировала им обоим, и они комфортно чувствовали себя в обществе друг друга. Когда Джордж Грей-младший бывал дома, он откровенно скучал, бездельничал, много курил и почти ничего не читал, чем очень расстраивал своего отца. Еще больше Грея-старшего расстраивало то, что его сын был бесконечно далек от тех евангелических воззрений, которым сам он твердо следовал всю жизнь. Между отцом и дедом маленького Эдуарда периодически возникали споры по многим вопросам восприятия жизни, но до серьезных конфликтов никогда не доходило из-за беззаботного и миролюбивого характера отца. Детью Джордж Грей-младший не любил заниматься, хотя и считался хорошим и добрым родителем. Наверное, он таким и был, но возиться со своими чадами и воспитывать их никогда не входило в число любимых им занятий. Маленький Эдуард хорошо усвоил, что стоило ему заплакать, как отец вставал и выходил из комнаты⁹.

Эдуард Грей запомнил своего отца как человека, увлекавшегося охотой, стрельбой и рыбалкой. «Он был очень добродушен, всегда в хорошем настроении и благодаря своим манерам крайне популярен как среди мужчин, так и у женщин. Он умел достигать своих целей во всех обычных жизненных ситуациях, но не любил интеллектуальных усилий и не интересовался чтением или какими-нибудь дискуссиями, например о политике». Свою мать Грей считал очень мягкой женщиной, «всегда готовой отказаться от имевшегося у нее мнения ради спокойной жизни»¹⁰. Во многом благодаря ей проживание двух поколений Греев под одной крышей было в целом очень спокойным, а детство Эдуарда, каким он его запомнил, — счастливым и безоблачным.

Хэрриет Грей, урожденная Пирсон, происходила из семьи военного. Дед Эдуарда по материнской линии, как и его отец, дослужился до подполковника. Однако если рассматривать генеалогию Пирсонов несколько глубже, то по линии матери многие предки будущего главы Форин Офис были священнослужителями. Фамилия Пирсон не была особенно известной, и старый Джордж Грей, возможно, хотел для единственного сына лучшей партии, но Грей, как и Пирсоны, были добропорядочными англиканами-евангелистами,

и религиозность обеих семей наверняка сыграла не последнюю роль при одобрении этого брака. К тому же Джордж Грей — дед был женат на дочери епископа Личфилда, той самой епархии, где раньше находился приход деда Хэрриет Пирсон. По времени их служба в одной епархии не совпала, но фамилия Пирсон была на хорошем счету, и епископ не мог не слышать об уважаемом священнике своей епархии.

В истории рода Пирсонов были, однако, свои интересные эпизоды. Именно от матери Грей унаследовал часть «джонсоианы» — личных вещей и рукописей одного из самых известных англичан XVIII века Сэмюэла Джонсона. Дело в том, что падчерица последнего, некто Люси Портер, была прихожанкой церкви в Личфилде, где вел службы преподобный Джон Пирсон, дед матери Эдуарда Грея. Мисс Портер не имела детей и оставила большую часть своего состояния Джону Пирсону, проповедями которого она искренне восторгалась. К сожалению, рукопись самого известного произведения доктора Джонсона — «Толкового словаря английского языка» — со временем съели крысы, зато его прогулочная трость осталась целой и невредимой Эдуарду Грею, который в зрелые годы иногда ей пользовался⁴¹.

Если по материнской линии будущий глава Форин Офис не мог похвастаться особой родовитостью, то по отцовской Грей принадлежал к числу самых знатных родов Нортумбрии. Грей были известны в Англии уже почти тысячу лет. Сама фамилия имеет нормандское происхождение, хотя не исключено, что еще более древними корнями она уходит к скандинавским викингам. Первые Грей появились на территории Англии вместе с Вильгельмом Завоевателем. Среди его вассалов был некто Аншетил де Грейе, которого современная генеалогия считает родоначальником всех ветвей английских Греев. Изначально фамилия имела разные написания — *de Graye, de Greye, Grei, de Grey, Gray, Grey*, но постепенно унифицировалась в привычное сегодня *Grey*.

Предки будущего министра иностранных дел обосновались в Нортумбрии еще при короле Эдуарде I, а один из них, Ричард Грей, в начале XV века был назначен Генрихом V лордом-смотрителем восточного участка границы с Шотландией. Возможно, именно от него Эдуарду через много веков передались дипломатические способности. Ричард Грей выполнял для своего короля много важных поручений, требовавших качеств отменного дипло-

мата. Он участвовал в переговорах о женитьбе герцога Бедфорда на Анне Бургундской, а затем и самого Генриха V на Екатерине Валуа. После того как в 1415 году Ричард договорился о перемирии с Шотландией, его назначили блюсти границу между двумя странами. Он вторым из Греев удостоился высшей королевской награды Англии — ордена Подвязки (в 1403 году, 107-й кавалер ордена). А первым, полувеком ранее, стал Джон де Грей, который вместе с Эдуардом III вошел в число первых двадцати четырех рыцарей ордена (в 1348 году).

Дальней родственницей Эдуарду Грею приходилась Джейн Грей, «королева на девять дней», казненная в Тауэре в феврале 1554 года после неудачной попытки узурпации власти Саффолками и Нортумберлендами. Но это, что называется, «десятая вода на киселе», а в числе прямых предков и близких родственников Эдуарда Грея были и британские военачальники, и губернаторы, и министры, и даже один премьер-министр.

Его прапрадед, Чарльз Грей, участвовал во многих военных кампаниях, отличился в Семилетней войне с Францией (1756–1763), способствовавшей превращению Британской империи в крупнейшую колониальную державу, был несколько раз ранен. Но наибольшую известность Чарльз Грей, ставший генералом, получил во время войны за независимость с североамериканскими колониями. Он был одним из наиболее успешных британских военачальников в этой войне и получил на ней общенациональное прозвище «Грей — никакой стрельбы» («*No-flint Grey*»). Во время ночной атаки на американские позиции генерал Грей приказал пехоте снять с ружей кремниевые спуски и действовать, для бесшумности и большей внезапности, только штыками. За одержанные победы «Грей — никакой стрельбы» был награжден орденом Бани, произведен в генерал-лейтенанты и даже назначен командующим всеми британскими войсками в Америке. Впрочем, вступить в эту должность он не успел, поскольку раньше был заключен мир.

Чарльз Грей успел поучаствовать и в войнах французской революции, причем не только на Европейском континенте, но и в Вест-Индии. Последние годы жизни он много времени проводил на острове Гернси, где был английским губернатором с 1797 до 1807 года. В 1806 году указом Георга III Грей получил графский титул и стал называться графом Греем и виконтом Хоуика, для чего было создано новое виконтство в Нортумберленде. Умер он в 1807 году.

Старший сын Чарльза Грея, унаследовавший от отца титулы графа и виконта, оставил еще более заметный след в британской истории. Чарльз Грей-младший занимал много ответственных постов в различных правительствах Великобритании, а вершиной его политической карьеры стало кресло премьер-министра. Он руководил британским кабинетом почти четыре года, с 1830 по 1834. 2-й граф Грей считается архитектором исторического для страны Закона о реформе избирательной системы (1832). Существовавшее до этого законодательство наделяло правом голоса совсем небольшое количество избирателей из графств и небольших исторических городских образований (т. н. «боро»). Система была насквозь коррумпирована, поскольку большинство «выборных участков» контролировалось несколькими крупнейшими английскими землевладельцами, и оставляла за бортом голосования новые индустриальные центры — Бирмингем, Манчестер, Лидс и другие. Доходило до того, что в некоторых графствах насчитывалось всего по два-три десятка лиц, имевших право голоса, тогда как его совсем были лишены многие быстро растущие города. Акт о реформе 1832 года встретил яростное сопротивление английских консерваторов, и Чарльзу Грею потребовались изрядное умение и большой политический опыт, чтобы провести новый закон через обе палаты британского парламента. История о том, как ему это удалось, изобилует многими интригами, лихими поворотами сюжета, неожиданными развязками, но Грей добился своего, и Акт 1832 года стал отправной точкой пересмотра архаичной британской избирательной системы и уберег страну от революционных потрясений, обрушившихся в те годы на Европейский континент.

Недолгое время (1806–1807) Чарльз Грей возглавлял британский Форин Офис. Так что его внучатый племянник был не первым носителем фамилии, руководившим внешнеполитическим ведомством. Заслуги 2-го графа Грея были высоко оценены его современниками. В самом центре Ньюкасла, главного города Нортумбрии, стоит сорокаметровый монумент Грею со статуей наверху, поставленный еще при жизни реформатора. Грандиозная колонна очень напоминает хорошо всем известный памятник адмиралу Нельсону на Трафальгарской площади в Лондоне. Что неудивительно, поскольку автором обоих монументов был английский скульптор Эдуард Бэйли. А стоит «колонна Грея» на Грей-стрит, которая была названа так тоже при его жизни.

Сегодня фамилию 2-го графа Грея знают миллионы жителей планеты. Именно в его честь назван знаменитый сорт английского чая с бергамотом «Эрл Грей». Существуют несколько красивых легенд, повествующих о том, как чайная смесь получила имя прославленного графа. В семействе Греев было принято считать, что граф заказывал у китайцев специфический на вкус чай потому, что тот хорошо отбивал кислотку, которой отличалась вода из его поместья в Хоуике. К этой смеси семейство настолько привыкло, что леди Грей всегда брала ее с собой в Лондон, где угощала необычным чаем гостей мужа. Оригинальный чай быстро стал популярным в высшем свете, и семейство Греев продало рецепт его приготовления компании «Твайнингс», которая сделала его известным во всем мире.

2-й граф Грей приходился старшим братом прадеду Эдуарда Грея, Джорджу, получившему в 1814 году от британской короны титул баронета. Таким образом, была образована младшая, «баронетская» ветвь семейства Греев. Баронеты считались промежуточным звеном между обычными поместными землевладельцами, именованными джентри, и высшей английской аристократией, пэрами королевства. В старые времена королевские указы делили «баронетов» на английских, ирландских и шотландских, причем последние негласно считались низшей категорией, но в самом начале XIX века различия между ними были полностью упразднены, и все они стали называться «баронетами Соединенного Королевства». Несмотря на кажущуюся незначительность титула, баронетством очень гордились, и во многих знатных семьях этот титул рассматривался как промежуточный на пути к более высокому положению среди потомственной аристократии. Из баронетов, например, вышли герцоги Девонширские и Мальборо. Всего в 1880 году в Британии насчитывалось 856 баронетов¹², многие из которых к концу жизни за заслуги перед короной переходили в более высокую категорию и становились пэрами (герцогами, графами, виконтами). В общем, баронетство было предметом вождения многих мелких и среднепоместных британских землевладельцев и младших отпрысков знатных родов.

Здесь стоит пояснить, что само по себе баронетство и даже обладание более высокими титулами значили в Соединенном Королевстве многое, но далеко не все. Практически до начала XX века основой влияния британской аристократии являлось, прежде всего, землевладение. Именно оно служило источником доходов высше-

го света и давало британским пэрам власть и могущество внутри страны. Первая половина XIX века была золотым временем британской аристократии. Земля приносила стабильные и высокие доходы и рассматривалась как очень выгодное капиталовложение. Серьезными считались землевладения, начинающиеся с тысячи акров (приблизительно 405 гектаров). Они давали в среднем тысячу фунтов годового дохода, весьма солидные по тем временам деньги. Таких землевладельцев к 1880 году на Британских островах было всего около 11 тысяч человек, владевших в совокупности 66,14% всех земельных угодий¹³. Идеальным сочетанием, конечно, было обладание и титулом, и землей. Подобная комбинация практически гарантировала власть и могущество. Но таких титулованных землевладельцев в Британии было еще меньше. Всего в начале восьмидесятых годов XIX века землей владели 525 из 580 британских пэров и примерно три четверти из 856 баронетов¹⁴. Среди них были совершенно разные по уровню доходов люди, и если большинство получали тысячу или чуть более фунтов в год, то герцог Вестминстер, например, имел примерно столько же в день. Но среди крупных землевладельцев встречались и очень богатые люди (с годовым доходом в тридцать тысяч фунтов и больше), не имевшие никакого титула и бывшие значительно богаче титулованной, но бедной знати, вроде Сомерсетов, Кларендонов или Гренвиллей. В любом случае Британская корона старалась не создавать безземельных титулов, жалуя их, как правило, тем, кто уже обладал серьезным землевладением. В этом смысле случай с баронетством Джорджа Грея-прадеда был одним из немногих исключений. Наследственный титул получил человек, не обладавший землей и существовавший, главным образом, на государственное жалование.

Джордж Грей — прадед был во многих отношениях замечательной личностью. Он прожил интересную и насыщенную событиями жизнь. В XVIII веке во многих аристократических домах Англии, особенно в провинции, не было принято проявлять чрезмерную заботу о младших детях. Все сливки обычно доставались старшему сыну и наследнику, а младшие отпрыски зачастую были вынуждены сами пробивать себе дорогу в жизни, не особо полагаясь на отеческую помощь. Так случилось и с Джорджем Греем. Все внимание его отца досталось старшему сыну — Чарльзу Грею, будущему премьер-министру и реформатору. Он, как и полагалось, воспитывался в тепличных условиях, окончил последовательно Итон и Кембридж

и почти сразу после этого подался в политику. Джордж Грей, будучи третьим сыном в семье, с детства вынужден был заботиться о себе самостоятельно. Ему удалось совсем немного проучиться в школе Винчестера, но по достижении им одиннадцатилетнего возраста отец решил, что приобретенных к тому времени знаний будет достаточно, и в столь юном возрасте определил младшего сына в Королевский военно-морской флот. Его первым местом службы стал 44-пушечный фрегат «*Roebuck*», посланный к берегам Северной Америки, где в то время шли боевые действия, в которых, кстати, отличился и его отец. В 1780 году, в возрасте 13 лет, Джордж Грей участвовал в морских сражениях с французами в Вест-Индии. Во время одного из них, после того как капитан и все старшие офицеры на его корабле были убиты или тяжело ранены, юный Джордж принял командование на себя, за что впоследствии был произведен в лейтенанты.

Возвратившись в 1783 году героем в Англию, Джордж Грей — прадед просил отца разрешить ему продолжить свое обучение, но получил отказ и вынужден был вернуться на флот¹⁵. Позже он стал капитаном 104-пушечного линейного корабля «*Victory*», флагмана Средиземноморского флота Великобритании, на котором в то время держал свой флаг адмирал Джон Джервис. В этом качестве капитан Джордж Грей участвовал 14 февраля 1797 года в морском сражении у мыса Сент-Винсент, в котором английский флот разбил значительно превосходившую его испанскую армаду. Интересно, что еще одним английским кораблем, «*Captain*», решившим исход того сражения, командовал командор Горацио Нельсон. Позднее, когда Нельсон стал адмиралом, он сам держал свой флаг на «*Victory*» и именно с ее мостика руководил британским флотом в Трафальгарском сражении. Во время этого сражения на борту «*Victory*» Нельсон и был смертельно ранен 21 октября 1805 года. Капитана Грея не было при Трафальгаре, но судьбе было угодно еще раз свести его с адмиралом Нельсоном. Джорджу Грею выпала честь командовать яхтой, которая доставила гроб с телом прославленного адмирала с «*Victory*» в госпиталь Гринвича, где он находился до погребения. Линейный корабль «*Victory*», которым почти два года командовал Джордж Грей, сегодня является экспонатом музея Королевского военно-морского флота в Портсмуте и стоит в его доках. Он продолжает считаться почетным флагманом Первого морского лорда Великобритании.

В конце своей активной военно-морской карьеры Джордж Грей несколько лет был капитаном королевской яхты Георга III, а в 1804 году сошел на берег и стал уполномоченным Адмиралтейства на Ширнесской королевской верфи. В 1806 году он перебрался в Портсмут, где в такой же должности отвечал за местные доки уже до конца жизни.

В 1795 году Джордж Грей женился на Мэри Уитбред, дочери пивовара Сэмюэла Уитбрета, основателя одного из крупнейших в современной Британии гостинично-ресторанных холдингов, до сих пор носящего его имя. Интересно, что старший сын Уитбрета, тоже Сэмюэл, известный британский политик-виг, уже был женат к этому времени на родной сестре Джорджа Грея, Элизабет. В 1799 году, во время стоянки флота в Гибралтаре, у Джорджа и Мэри Грей родился старший сын, которого назвали тоже Джорджем. В 1814 году, когда Джордж Грей — прадед работал в Портсмуте, на руководимые им верфи пожаловали принц-регент, будущий король Георг IV, и его гость, российский император Александр I. Император останавливался тогда в доме Джорджа Грея. Гости остались так довольны оказанным им приемом и всем увиденным на верфях, что вскоре после их отъезда последовал королевский указ о присвоении капитану Грею титула баронета. Последние годы жизни Джордж Грей уделял много времени различным, как сказали бы сегодня, социальным проектам. Вместе с женой он пытался как-то улучшить тяжелую и хорошо знакомую ему жизнь простых моряков — создавал для них благотворительные миссии, хлопотал о пенсиях и разного рода льготах. Как ранее его отец, Джордж Грей — прадед постарался дать своему старшему сыну достойное образование. После нескольких лет частных занятий со священником-евангелистом Джордж-младший в 18 лет был определен в Ориел-колледж Оксфорда, где получил классическое образование. Капитан Грей мечтал увидеть своего сына священником, но тот рассудил иначе. После Оксфорда он отправился в Лондон изучать юриспруденцию и в 1826 году стал адвокатом.

Через два года после этого Джордж Грей — прадед умер, и титул баронета перешел по наследству к его старшему сыну. Дед Эдуарда Грея стал 2-м баронетом Греем. А когда в 1845 году скончался его родной дядя, генерал Генри Грей, Джорджу Грею-деду, к тому времени уже известному политику-вигу, отошло по наследству родовое имение Фоллодон. Дело в том, что владевший им его дядя Генри

умер бездетным. Баронеты Грей стали после этого мелкопоместными землевладельцами. Вместе с домом они получили 2000 акров (около 810 гектаров) земли, дававшей хороший и стабильный доход.

Джордж Грей-дед был хорошо известен в политических кругах Великобритании. В течение 42 лет он являлся членом британского парламента, входил в состав нескольких либеральных правительств. Три раза он становился министром внутренних дел, прослужив на этом посту в общей сложности четырнадцать лет. Свою политическую карьеру Джордж Грей начал в 1832 году, когда впервые избрался в палату общин от вновь образованного участка в Девонпорте. Собственно говоря, пройти мимо занятия политикой молодому адвокату было бы сложно. Правительство Великобритании возглавлял в те годы его дядя — граф Чарльз Грей, имя которого было у всех на устах. Шла знаменитая избирательная реформа, в рамках которой и был образован новый участок в Девонпорте, где победил начинающий виг. Как рассказывал впоследствии сам Джордж Грей, в той ситуации «человеку, носившему фамилию Грей, было трудно остаться вне политики»¹⁶. По молодости и неопытности Джорджу Грею не нашлось места в правительстве его дяди, но уже через два года, когда кабинет вигов возглавил лорд Мельбурн, молодой политик стал заместителем министра по делам колоний. Для этого ему пришлось даже оставить адвокатскую практику, приносящую немалый доход. По этому поводу граф Грей написал матери своего племянника, что она «может гордиться» сыном, выбравшим служение обществу вместо «профессии, открывавшей гораздо лучшие перспективы и в которой он мог добиться наивысших результатов»¹⁷. Правда, на новом поприще Джордж Грей поначалу ничем особенным не отметился. С небольшим перерывом он занимал разные второстепенные должности в правительстве до 1841 года, когда виги проиграли выборы и перешли в оппозицию. Впрочем, Грей сохранил свое место в палате общин.

В июле 1846 года Джордж Грей стал министром внутренних дел в правительстве лорда Расселла. А на следующий год ему удалось избраться в палату общин от нового для себя участка в северном Нортгумберленде. К этому времени Джордж уже два года как переехал в унаследованное им имение Фоллодон, находившееся как раз в этом регионе. Несмотря на то что до этого своей земли у баронетов Греев на севере Англии не было, их фамилия благодаря старшей, «графской» линии была хорошо и давно известна в тех краях.

И все же несколько последних лет Нортумберленд уверенно контролировали представители партии тори, одолеть которых на выборах было совсем не просто. Местных консерваторов возглавляло влиятельнейшее семейство Перси, герцогов Нортумберлендских, бывших как тогда, так и сегодня, одними из крупнейших землевладельцев Англии. Тем не менее Джордж Грей победил на выборах, продолжив традиции дяди-реформатора Чарльза, который в течение более 20 лет (1786–1807) представлял Нортумберленд в палате общин, и двоюродного брата Генри Грея, побеждавшего здесь в 1831 году. В кабинете лорда Расселла Джордж Грей оставался министром до 1852 года. Все это время министром по делам колоний того же правительства был его двоюродный брат — Генри Грей. В этом не было ничего удивительного. На протяжении веков политическую жизнь Англии, а затем и Великобритании контролировали несколько десятков семей. Представители кланов Дерби, Девонширов, Солсбери, Бедфордов и некоторых других фактически передавали политическую власть и влияние по наследству. В середине XIX века ситуация стала понемногу меняться. В политику приходили новые, менее титулованные имена. Но по традиции они предпочитали приходиться семьями.

Современникам дед Эдуарда Грея запомнился больше всего тем, с какой выдержкой и спокойствием он совладал с охватившей Британию в 1848 году третьей волной движения чартистов. Чартисты (от слова *Charter* — хартия) требовали довести до конца ограниченные реформы избирательного права, проведенные Чарльзом Греем в 1830-е годы. Они требовали права голоса для всех лиц, достигших 21-летнего возраста, отмены имущественного ценза, тайного голосования, государственной оплаты избранным членам палаты общин, пропорциональности избирательных участков количеству голосующих и, наконец, ежегодных выборов в парламент. Последнее условие, по их мнению, должно было ликвидировать политическую коррупцию и изжить подкуп избирателей. В конечном счете большинство их требований (кроме последнего) с течением времени были выполнены (всеобщее избирательное право, например, появилось в Великобритании в 1918 году). Однако в середине XIX века требования чартистов казались поистине революционными, и британская элита, с трудом допустившая ограниченные реформы Чарльза Грея, была настроена категорически против. Движение чартистов накатывало на Британию волнами. Первую Народную Хартию с их

требованиями, составленную в 1838 году, подписали 1,3 миллиона человек. Вторая петиция 1842 года собрала уже три миллиона подписей. Наконец, Хартию 1848 года поддержали, по разным оценкам, от пяти до шести миллионов представителей низших сословий.

Надо иметь в виду, что 1848 год был пиком революционных потрясений в континентальной Европе. Английская аристократия, естественно, боялась распространения подобных волнений на Британские острова. До петиции 1848 года, во время первых двух волн чартистского движения, в разных регионах Британии уже возникали вооруженные выступления, заканчивавшиеся стычками с армией и силами правопорядка. Но они были не столь многочисленными и носили, безусловно, локальный характер. В апреле 1848 года все могло обернуться иначе. В столице собралось несколько сотен тысяч человек, готовых идти к парламенту для вручения новой хартии. Никто не мог поручиться, чем такое шествие закончится, а новости из континентальной Европы заставляли состоятельных лондонцев готовиться к худшему. Начиналось массовое бегство из столицы.

В этой ситуации в высшей степени хладнокровно повел себя Джордж Грей, который, как министр внутренних дел, отвечал за спокойствие в Лондоне. С одной стороны, из регионов в столицу были стянуты войска для усиления местных сил правопорядка. В самой столице Грей провел временное рекрутирование в констебли законопослушных лондонцев, создав что-то типа добровольной народной дружины. По его подсчетам, 10 апреля, в день подачи петиции, чартистам противостояло 170 000 вооруженных солдат и констеблей¹⁸. С другой стороны, Грей не дал перерасти противостоянию в противоборство. Лидерам чартистов было категорически запрещено переводить массы на другой берег Темзы, к парламенту. А для передачи петиции Грей предложил им направить небольшую депутацию в свое министерство, где посланцев принял заместитель министра. Все обошлось без жертв и столкновений. Трудно сказать, сколь велика была в этом личная заслуга министра внутренних дел, но за мирное разрешение ситуации лондонский истеблишмент благодарил как «человека, спасшего Англию»¹⁹, именно его. Даже много лет спустя современники, пережившие этот день в Лондоне, вспоминали, «как готов он был к любой случайности, каким твердым оставался в тот момент, когда весь Лондон был охвачен ужасом»²⁰. Так или иначе, но политики единодушно решили, что только благодаря Грею из-

рядно переволновавшиеся лондонцы смогли успокоиться и облегченно вздохнуть. Друг и биограф Грея, епископ Крейтон, писал, что «это было высшей точкой административной карьеры сэра Джорджа. Он стал самым популярным человеком в палате общин и во всей Англии»²¹. Получается, что предки Эдуарда Грея в середине XIX века дважды спасали Британию от революционных потрясений. В начале 30-х годов это сделал реформатор Чарльз Грей, а в конце 40-х — руководитель Хоум Оффис Джордж Грей.

Одного дня, 10 апреля 1848 года, оказалось достаточно Джорджу Грею, чтобы войти в историю Британии. После этого он еще почти четверть века оставался членом британского парламента, двенадцать лет был министром внутренних дел, но ничем выдающимся больше не отметился. Да, были яркие выступления, борьба за равноправие католической и протестантской церквей в Ирландии, продвижение законопроектов о повышении санитарии среди населения, но все это осталось в тени исторического дня противостояния с чартистами. В политического деятеля первого ряда Джордж Грей так и не вырос. Хотя это никак не мешало ему пользоваться большим уважением как у сторонников-либералов, так и у противников-консерваторов. Грея очень высоко оценивал Уильям Гладстон, писавший в октябре 1865 года жене, что Грей является самым подходящим кандидатом от либералов на то, чтобы возглавить палату общин. «Сначала эта должность должна быть предложена Джорджу Грею, — считал он. — Я был бы очень удовлетворен таким назначением»²². Но Грей отказался, так же как отказался, сославшись на почтенный возраст, войти в кабинет Гладстона тремя годами позже²³. Некоторые консерваторы, в свою очередь, также считали Джорджа Грея «выдающимся человеком, полезность, способности и джентльменская учтивость которого положительно отличают его от остальных членов его партии»²⁴.

Судя по всему, у Джорджа Грея напрочь отсутствовали политические амбиции, без которых делать большую политическую карьеру во все времена было немислимо. Поэтому его личность и вызывала всеобщее уважение — никто не чувствовал в нем соперника в борьбе за власть и влияние. Это было осознанной позицией Грея и совсем не свидетельствовало об отсутствии у него практической смекалки. Когда было необходимо, Джордж Грей вполне мог принять неординарное и выгодное для себя решение. Если, конечно, это не противоречило его представлениям о нравственности. После того как Грей

перебрался в унаследованное им имение Фоллодон, он стал время от времени скупать окрестные земли, выставившиеся на продажу. Так получилось, что через приобретенный им участок железнодорожная компания решила проложить основную ветку, соединяющую Лондон с Эдинбургом. Джордж Грей запросил у компании весьма умеренную плату за отчуждаемые земли, но в дополнение добился включения в текст договора статьи, дающей право владельцам Фоллодона останавливать на местном полустанке, возведенном в нескольких сотнях метров от усадьбы, любой скоростной поезд, идущий в Лондон или из него²⁵. Позже полученным правом часто пользовался его внук Эдуард, когда ему надо было быстро добраться с вокзала *King's Cross* в Лондоне до Фоллодона или отправить назад в столицу своих гостей.

Джордж Грей-дед до конца жизни оставался человеком с очень высокой репутацией, пользовавшимся большим уважением в обществе. Современников особенно поражала его порядочность и глубокая вера в исповедуемые им идеалы свободы и терпимости к чужому мнению. Будучи убежденным протестантом, он неизменно защищал в парламенте права ирландцев-католиков. «Несправедливо, неправильно и неумно не учитывать мнение огромного большинства людей, — говорил он о ситуации в Ирландии в одном из своих выступлений, — и поддерживать исключительно протестантскую церковь в католической стране»²⁶. Такую честность и прямоту хорошо чувствовали даже те, кто был лишен избирательного права голоса. Небывалый случай — в 1852 году, когда Джордж Грей проиграл консерваторам выборы в Нортумберленде, более 13 000 местных рабочих, не участвовавших в выборах, собрали для него по подписке в знак благодарности и признательности за защиту своих интересов четыреста фунтов стерлингов, весьма значительную по тем временам сумму. Причем большинство взносов не превышало одного пенса. На эти деньги благодарные труженики заказали Грею в подарок серебряные поднос и канделябр, в котором три подсвечника символически держали фигуры трех главных представителей местной экономики — землепашца, сталевара и шахтера²⁷. Когда в 1874 году Джордж Грей в возрасте 75 лет решил навсегда оставить политику, он передал свой избирательный участок в Морпете, где побеждал более двадцати лет, представителю шахтеров либералу Томасу Бёрту, которого всецело поддерживал на новых выборах.

Оставшиеся восемь лет жизни Джордж Грей провел в Фоллодоне, где занимался, главным образом, воспитанием младших внуков и внучек. Он участвовал в их играх, учил верховой езде, устраивал походы по окрестностям, а вечерами декламировал им своих любимых английских поэтов или читал вслух пьесы У. Шекспира и романы В. Скотта²⁸. Вообще, чтение английских классиков в кругу семьи было укоренившейся традицией в Фоллодоне. Обычно за час до ужина, после игр, прогулок или езды верхом, дед собирал вокруг себя внуков и старался привить им любовь к английской литературе. Эдуард Грей вспоминал, что дед «читал вслух романы Скотта так, как будто рассказывал их, и слушать его было истинным удовольствием»²⁹.

К сожалению, маленькому Эдуарду довелось участвовать в подобных «литературных вечерах» намного реже своих братьев и сестер. В возрасте девяти лет его отправили учиться в небольшую подготовительную школу, находившуюся неподалеку от Нортэллтона, в Северном Йоркшире, где он провел почти два года, приезжая домой лишь на каникулы. Это был странный выбор, который можно объяснить только тем, что учебное заведение находилось всего в нескольких часах езды от Фоллодона. Первая в жизни Эдуарда школа была открыта совсем недавно и не имела в то время вообще никакой репутации. Она оставила у Эдуарда мало воспоминаний, частично ввиду его совсем юного возраста, но также из-за того, что вспоминать было практически нечего. В школе обучались тридцать мальчиков, за которыми приглядывали двое взрослых — воспитатель и директор, он же единственный учитель. Ни имен одноклассников, ни даже имени директора в памяти Грея не сохранилось. Все, что он запомнил из начального периода своего обучения, так это отсутствие оценок и непригодность школы для спортивных занятий. «Там было грубое поле, где мы могли играть, но никто не организовывал для нас крикетных или футбольных матчей», — вспоминал Грей в своей неизданной автобиографии³⁰.

Нельзя утверждать наверняка, но, скорее всего, решение об отправке сына в подготовительную школу Нортэллтона принимал единолично его отец. Во-первых, это считалось его правом и обязанностью. Решать такие вопросы помимо него было невозможно. Во-вторых, Джордж Грей-младший, сам не получивший достойного образования, отнюдь не страдал от этого. Более того, он полагал абсолютно ненужными знания, полученные, например, его патроном,

принцем Уэльским, в лучших учебных заведениях Англии. Гораздо более важными для будущей жизни сына отставной подполковник считал чисто «мужские» занятия — рыбалку, стрельбу, охоту, верховую езду и разного рода физические упражнения. Такие увлечения маленького Эдуарда отец всячески развивал и приветствовал. Дед Эдуарда в это время еще не завершил свою политическую карьеру и вынужден был делить время между Лондоном и Фоллодоном. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что дед «недоглядел». Так или иначе, но через два года, когда Джордж Грей-старший принял решение уйти из политики и полностью обосноваться в Фоллодоне, он настоял на переводе внука в другую, гораздо более известную и уважаемую школу — Темпл Гроув, считавшуюся одной из лучших подготовительных школ Англии.

Детские годы и первый образовательный опыт имели для юного Эдуарда, как и следовало ожидать, далекоидущие последствия. С одной стороны, он на всю жизнь унаследовал от отца любовь к природе, а рыбалка стала его самым страстным увлечением. К охоте он, правда, оставался по большей части равнодушен, но любил иногда просто пострелять. С верховой ездой у него тоже не заладилось, и он вспоминал впоследствии, что никогда не увлекался ею, «будучи от рождения илохим наездником, не умевшим находить взаимопонимание с лошадью»³¹. С другой стороны, неудачный опыт с подготовительной школой в Нортэллертоне навсегда отбил у Грея тягу к образованию. Не то чтобы он считал классические знания лишней обузой в жизни, как полагал его отец, но и особого пиетета перед наукой и образованием Эдуард Грей никогда не испытывал. В этой связи улыбкой истории выглядит тот факт, что на склоне лет сэр Эдуард был избран почетным ректором Оксфордского университета. Впрочем, до этого было еще далеко. А с детских лет маленький Эдуард через всю жизнь пронес любовь только к английской литературе, и этим он был обязан исключительно своему деду, Джорджу Грею-старшему.

В школе Темпл Гроув юный Эдуард Грей провел три года, с 1873 по 1876 год. В то время она располагалась в пригороде Лондона, Ист Шине, являвшемся частью городского поселения Ричмонд. Сегодня эта территория входит в Большой Лондон, но полтора века назад, в годы, когда Эдуард Грей обучался в местной школе для мальчиков, бывшие земли семьи Темпл еще не входили в столичный округ. В 1805 году Генри Темпл, 3-й виконт Палмерстон, буду-